

народахъ, приходившихъ съ сѣвера и т. д. При этомъ, какъ самъ посланникъ, такъ и вся его свита, сидѣвшіе въ нашей юртѣ, складывали свои руки впереди груди и самымъ униженнымъ образомъ умоляли насъ исполнить ихъ просьбу—не ходить далѣе. О какихъ-либо угрозахъ не было и помину; наоборотъ, черезъ нашихъ переводчиковъ, прибывшіе тибетцы предлагали заплатить намъ всѣ расходы путешествія, если мы только согласимся повернуть назадъ. Даже не вѣрилось собственнымъ глазамъ, чтобы представители могущественнаго Далай-ламы могли вести себя столь униженно и такъ испугаться горсти европейцевъ. Тѣмъ не менѣе, это было фактомъ, и фактомъ знаменательнымъ для будущихъ попытокъ путешественниковъ проникнуть въ Тибетъ.

Хотя мы уже достаточно сроднились съ мыслию о возможности возврата, не дойдя до Лхассы, но въ окончательную минуту такого рѣшенія, крайне тяжело мнѣ было сказать послѣднее слово: оно опять отодвигало завѣтную цѣль надолго, быть можетъ навсегда, и завершало неудачею всѣ удачи нашего путешествія. Но идти на переکورъ фанатизма цѣлаго народа для насъ было безцѣльно и невозможно—слѣдовало покориться необходимости....

Мое рѣшеніе
возвратиться.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ объ уплатѣ издержекъ, какъ недостойный чести нашей, я объявилъ тибетскому посланнику, что въ виду всеобщаго нежеланія тибетцевъ пустить насъ къ себѣ, я соглашаюсь возвратиться; только просилъ, чтобы посланники выдали мнѣ отъ себя бумагу съ объясненіемъ, почему насъ не пустили въ столицу Далай-ламы. Тогда тибетцы попросили дать имъ нѣсколько времени на обсужденіе подобнаго заявленія и, выйдя изъ нашей юрты, усѣлись не вдалекѣ на землю въ кружокъ, гдѣ совѣтывались съ $\frac{1}{4}$ часа. Затѣмъ опять возвратились къ намъ и главный посланецъ сказалъ, что требуемой бумаги онъ дать не можетъ, такъ какъ не уполномоченъ на то ни Далай-ламою, ни Номунъ-ханомъ. Желая на всякій случай имѣть подобный документъ, я объявилъ, въ отвѣтъ на отказъ тибетцевъ: завтра утромъ мы выступаемъ съ своего бивуака; если будетъ доставлена требуемая бумага, то пойдёмъ назадъ, если же нѣтъ, то двинемся къ Лхассѣ.

Опять начался совѣтъ между посланцами и, наконецъ, главный изъ нихъ передалъ черезъ нашего переводчика, что онъ и его спутники согласны дать упомянутую бумагу, но для составленія ея всѣмъ имъ необходимо вернуться къ своему стойбищу, расположенному верстахъ въ десяти отъ насъ, на границѣ далай-ламскихъ владѣній. «Тамъ,» добавилъ посланникъ, «мы будемъ вмѣстѣ редактировать объясненія на счетъ отказа въ пропускѣ васъ въ Лхассу, и если за это впоследствии